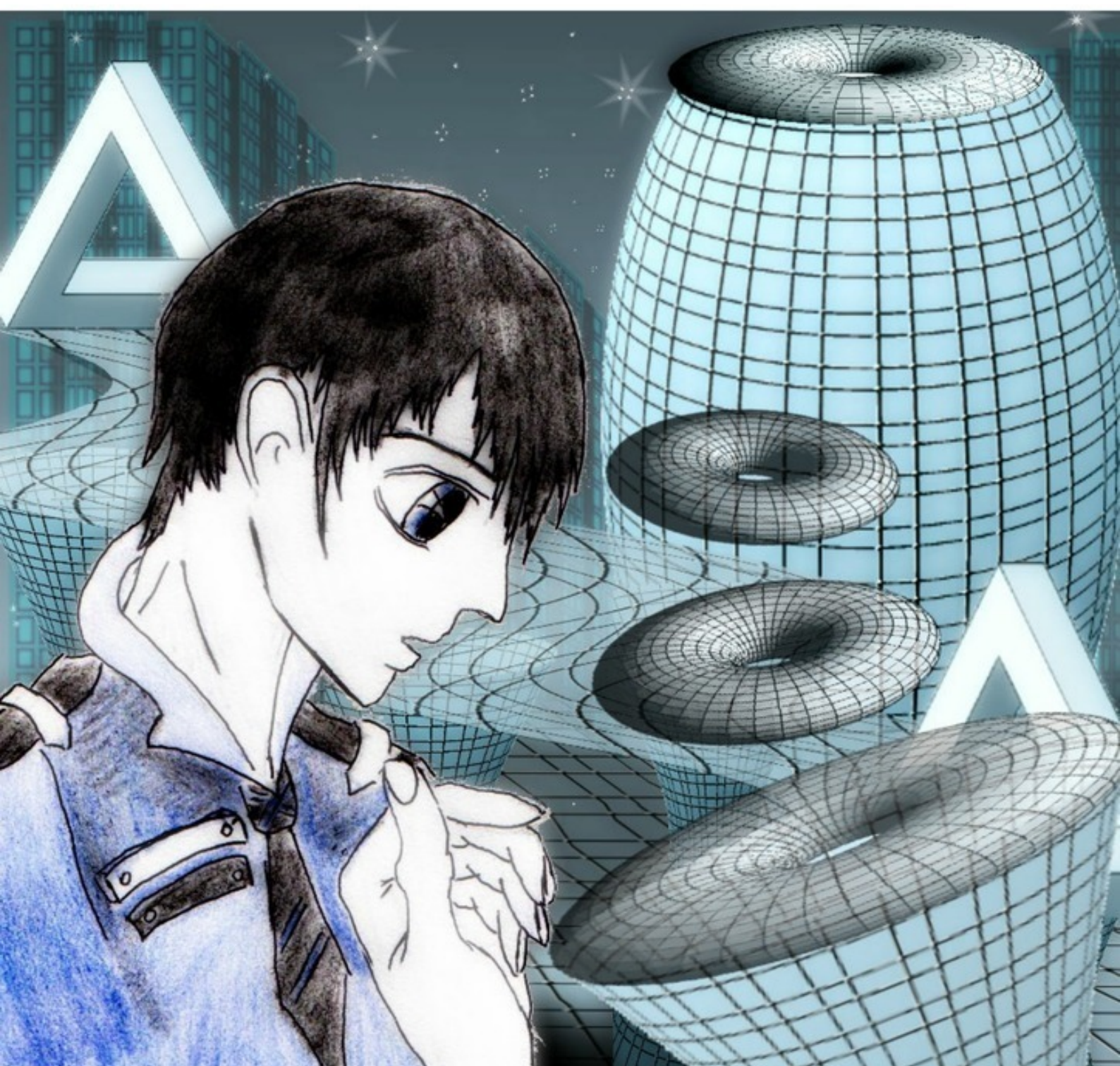

Мария Фомальгаут
КМ

Мария Фомальгаут

КМ

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

КМ / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

Найдено по запросу КМКМ — сокращенное название километра
КМ — композиционный материал
КМ — конструкция металлическая
КМ — критическая масса
КМ — контроллер машиниста
По запросу «Кто я» ничего не найдено

Содержание

Глава первая. Человек без куба	6
Глава вторая. Человек с кубом	8
Глава третья. Кто я	10
Глава четвертая. За полчаса до событий третьей главы	19
Глава пятая. Где пятисоток нет	25
Глава шестая. Где я	28
Предыстория	28
История	30
Глава седьмая. Где нет зимы	36
Глава восьмая. Кто мы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

КМ
Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Человек без куба

Безмолвная пустыня, насколько хватает глаз – до самого горизонта.

Небо – сумеречное, пасмурное, не затянутое облаками, но от этого только еще больше холодное.

Море – неподвижное, металлически-серое, даже не сразу понятно, вода в нем или расплавленный свинец.

Холод.

На первый взгляд кажется, что в этих безлюдных холмах нет жизни. Но нет, чем больше всматриваешься, тем больше понимаешь – здесь кипит жизнь, настолько непонятная, настолько непохожая на привычное человеческое существование, что её не сразу признаешь жизнью.

Но жизнь есть.

Если приглядеться, можно увидеть темные кубы, зависшие в полуметре над землей – они не подают признаков жизни, но чем дальше, тем больше чувствуется, что они-то и есть жизнь.

Кубы молчат.

Кажется, спят вечным сном.

Чем больше вглядываешься в серую пустыню, чем больше слушаешь ледяное безмолвие – тем больше понимаешь, что это еще не все, что где-то там, в высоте небес, в вечном молчании живет еще что-то... померещилось... а нет, не померещилось, парит что-то в пустоте, воронкообразное, сияющее холодным голубоватым светом.

И еще не знаешь ничего, но понимаешь, что они-то и есть хозяева этого мира.

Они...

Кто они...

Кажется, они и сами про себя толком не знают, кто они.

Тишина.

Тишина, от которой можно оглохнуть.

Тишину вспугивает легкий электрический треск – пустота расступается, выпускает из ниоткуда поджарого человека в некоем подобии костюма. Если взглянуть поближе, можно увидеть, что вся одежда испещрена множеством экранов, на которых мелькают рекламные баннеры.

Человек оглядывается. Поеживается – не от холода, холода он не чувствует – а от легкого страха перед чужим миром, миром далеким и незнакомым.

Если присмотреться еще внимательнее, можно увидеть, что человек не дышит. Ресница выскальзывает у него из века, камнем падает вниз. В мире, где Земля окружена атмосферой, ресница бы улетела, подхваченная ветром. Но здесь, в этом мире Земля давно потеряла свои воздушные одеяния.

Человек оглядывает длинные ряды черных кубов, сверяется с картой на одном из экранов. Серебристые воронки как будто не замечают идущего, – они слишком увлечены собственной жизнью, даже не провожают незваного гостя равнодушными взглядами.

Здесь, на берегу моря, кубы чем-то отличаются от своих собратьев: тогда как остальные кубы кажутся живущими, думающими, кубы поодаль как будто спят крепким и долгим сном, ждут своего часа, своего пробуждения. Человек останавливается перед одним из кубов, сверяется с картой. Осторожно подхватывает куб – он умещается у человека на ладони, – сжимает в руке.

Идет в сторону холма, с которого пришел в этот мир, несет на ладони куб.

Что-то происходит там, в вышине, – сияющие воронки срываются с места, подброшенные каким-то сигналом, мчатся к человеку, окружают. Человек пятится, видно, что мерцающие

воронки причиняют ему боль. Если бы здесь был воздух, он бы наполнился электрическим потрескиванием и всполохами – но воздуха нет.

Человек пытается прижать к себе куб, тут же вздрагивает – кажется, куб тоже делает ему больно. Незванный гость говорит что-то окружившим его воронкам, – резко, отрывисто, уверенно, тоном, не терпящим возражений.

– Он умер, понимаете? Да, умер. Вчера. Я его убил. Да. Да, обещаю. Не сомневайтесь, все по высшему разряду будет. Да, обещал. Да. Я, знаете, человек слова. Честное слово, вы оскорбляете меня своим недоверием. Да. Да.

Серебристые воронки нехотя отступают, искоса поглядывают на гостя. Последний поднимается на холм, шагает в пустоту – и исчезает.

Мало кто заметил, что человек глубоко вздохнул перед тем, как шагнуть в пустоту – вернее, сделал вид, что глубоко вздохнул, ведь воздуха здесь нет. Кажется, гость еще помнит те времена, когда он дышал воздухом.

Тишина.

Бросив последний взгляд на океан, можно увидеть, что волны застыли в вечном ледяном безмолвии – много лет назад.

Глава вторая. Человек с кубом

Человек возвращается домой. То есть, еще не домой, а только в свой город, большой, шумный, бесконечный, раскинувшийся на весь материк. Забирается в машину, которая ждет его возле пустоты, кивает машине – как всегда, машина умная, машина сама отвезёт домой, машина знает дорогу. Здесь, в городской суете не верится, что где-то есть земля, на которой царит вечное безмолвие, земля, где нет сверкающих огнями высоток, земля, которая стала пристанищем для неподвижных кубов и призрачных теней, парящих в небе. Кажется, что её и вовсе нет. Не бывает. Пригрезилась. Померещилась. И то правда, где это видано, земля, на которой кубы, быть такого не может, земля – а на ней кубы.

Человек смотрит на куб в своих руках, и понимает – не померещилось.

Есть такая земля.

И много других земель есть.

Кто-то говорит – три, кто-то говорит – тысяча, а кто-то загадочно улыбается и рисует знак бесконечности.

Автомобиль несется через туннели, через порталы, проскакивает перекресток в последний момент, когда уже загорается красный. Кто-то пытается подрезать автомобиль, видит номер, почтительно сдает назад.

Человек быстрым шагом заходит в высоченное здание, спешит к лифту, прижимая к себе куб. Охранник оторопело смотрит на куб, бормочет про себя, а что, так можно, что ли... их... сюда... вот так...

Человек с кубом решительно кивает охраннику:

Возможно все.

Человек с кубом выходит из лифта на последнем этаже, откуда, кажется, был бы виден весь континент, если бы панораму не закрывали облака, серебряные в свете луны. Здесь сама гравитация становится другой, слабой, земля уже не тянет тело вниз, приотпускает, будто задумывается, а не отпустить ли совсем.

Мальчишки в холле тянутся к луне за стеклом окна, хотят поймать луну, а я вот достаю, а я вот достаю. Трехмерная реклама вещает – только сегодня, уникальное предложение, всего за девятьсот девяносто девять единиц, мостик до луны. Девчушка в блестках рыдает, ма-а-амаа-а-а-а, ку-у-у-пи-и-и луну-у-у-у, мамаша сует девчушке экран, да что за ребенок такой, все дети, как дети, а эта...

Кто-то маленький и шуплый бросается к человеку с кубом, сует какие-то экраны, человек с кубом отмахивается, вы языка человеческого не понимаете, или как, вам ясно сказано было, с девяти до семнадцати, а вы во сколько пришли?

Маленький и шуплый не отстаёт, человек с кубом щелкает пультом на своем запястье, выключает – маленький и шуплый исчезает.

Человек заходит в комнаты в конце коридора, дверь сама закрывается за его спиной. Здесь можно перевести дух, переключить свое сознание из ритма большого города в ритм тихого кабинета, остановиться, задуматься.

Он останавливается.

Задумывается.

С порога прыгает на круглое кресло, которое покачивается на волнах большого, на всю комнату бассейна.

Касается черного куба, который раскрывается по мановению руки.

Хозяин комнаты смотрит на фантазмагорию картинок в сердцевине куба, перебирает картинки, огромные, большие, маленькие, крохотные, миниатюрные. Среди картинок чаще всего мелькает одна, на которой изображено что-то тонкое, вытянутое, нескладное...

– Вот черт, – бормочет человек, тут же вздрагивает, пугается своего голоса, боится спугнуть тишину, и то, что прячется в кубе.

Он вынимает из куба одну из его тонких граней, вертит в руках, подносит к серебряному шару с пометкой 3D.

ВВЕДИТЕ ПРОГРАММУ.

Человек выпускает из рук тонкую грань куба.

Шар проглатывает свою добычу.

Человек ждет.

ВАШ ЗАПРОС ОБРАБОТАН. БОЛЬШОЕ СПАСИБО, ЧТО ВОСПОЛЬЗОВАЛИСЬ УСЛУГАМИ НАШЕГО СЕРВИСА.

Раскрывается серебряный шар, выпускает из себя что-то истонченное, нескладное.

Хозяин комнаты наклоняется над ним, тут же на запястье хозяина верещит телефон.

– Иду, иду... сию минуту.

Соскакивает с кресла на порог, выходит из комнаты.

Свет в комнате выключается сам собой, тут же вспыхивает, когда что-то тонкое и нескладное приподнимается.

Глава третья. Кто я

В далекие, забытые года
По тротуарам, снегом запорошенным
Шел человек по дальним городам,
По деревенькам пасмурным, заброшенным.

Он шел – через метели, через грозы,
Через снега – и было нелегко,
Шел человек, искал большие звезды
Упавшие на землю с облаков.

Ночами сумерки сгущались поздние,
Холодный град погибелью грозил,
Шел человек, искал большие звезды
В глубокой, черной, уличной грязи.

В чертоге, в ресторане и в вертепе,
Он пристально разглядывал туман,
Их подбирал, отряхивал с них пепел
И прятал звезды бережно в карман.

Вертятся, вертятся в памяти стихи, и не выкинуть их, и не вытрясти. Так всегда, перед тем, как проснуться, перед тем, как очнуться от небытия, там, где другие слышат бессвязный поток мыслей – я слышу стихи.

Нет, не мои.

Вернее, немножко мои.

Это не я.

Но часть меня.

– Который час?

Нет, не то.

– Где я нахожусь?

Тоже не то.

– Кто я такой?

Вот это больше подойдет.

Спрашиваю в пустоту:

– Кто я такой?

Мне никто не отвечает, отвечать некому. Лежу в пустой комнате на широкой постели, в распахнутое окно слышен шум большого города, не вижу, но чувствую, – лежу я на последнем этаже, если не выше, если может быть что-нибудь выше, здесь, под самой луной. Город... отчаянно пытаюсь вспомнить название города, название не вспоминается, какими-то остатками памяти понимаю, что названия у города нет.

Вот так.

Город есть, а названия нет.

Каждый вдох дается с трудом, что-то как будто давит на грудь, мешает дышать, хотя точно знаю – на груди ничего нет.

Встаю. Вернее, не так. Пробую встать. Не могу, ноги меня не держат, видно, долго болел, или нет, это не болезнь, это другое что-то.

Другое...

Ну да.

Смотрю на свое тело, если это можно назвать телом, это не тело, это насмешка какая-то, бред шизофреника. Что-то тонкое, вытянутое, руки и ноги как спички, нет, не так, как бывает у истощенного человека, а правда как тонкие-тонкие палочки, и такое же истонченное туловище. Так штрихами рисуют человечков для какой-нибудь схемы, но я-то не нарисованный, я-то настоящий. Мне так кажется. Щиплю себя за руку, чтобы убедиться, настоящий я или нет, – рука не щиплется, пальцы натываются на твердый материал, хоть убейте не понимаю, металл или пластик. Дергаю себя за рукав чего-то среднего между пиджаком и куртешкой, думаю, из какого это материала, куртешка, брюки, ботинки, черт его пойми, из какого материала, это не одежда, это подобие одежды, кажется, из того же материала, что и мои руки и ноги, только очень тонкого. Хочу ущипнуть себя за веко, – показалось, померещилось, а века у меня и нет...

Оглядываюсь. Смутно вижу свое отражение в прозрачном куполе, под которым лежу. Огромные глаза, не глаза – скорее, объективы фотокамер, думаю, на что они мне, в темноте, что ли, видеть... надо проверить. Лицо какое-то ненастоящее, будто нарисованное поспешными штрихами, нос треугольником, безгубый рот...

Вздыхаю – с трудом. Голова кружится, швыряет меня на постель, задним числом думаю, как хорошо, что не встал, сейчас бы все кости переломал себе...

Входит человек. Именно что человек, не что-нибудь, обычный человек, каких множество, резкими движениями смахивает светлые пряди со лба. Входит через неприметную дверь, энергично потирает руки, устраивается в кресле спиной ко мне, водит по одежде, будто собирает ворсинки, – не сразу вижу на его костюме неприметные экраны.

Как будто не замечает меня – да я и не хочу, чтобы он меня заметил. Не знаю, почему. Не нравится мне этот человек, сильно не нравится, будто сделал что-то плохое то ли он мне, то ли я ему. Хочется потихоньку встать и уйти, если бы это было еще возможно – встать и уйти. И не просто из этой комнаты или из этого дома – а из города, который спешит сам и гонит тебя куда-то, давит, душит, не дает остановиться, оглядеться, одуматься...

Человек оборачивается.

Смотрит на меня, холодно, пристально, оценивающе.

– Очнулись?

С трудом выжимаю из себя слова, пугаюсь своего голоса, неожиданно низкого.

– Вроде... да.

Жду, что он скажет про мое тело. Ничего не говорит, как будто так и надо, как будто у него каждый день тут ходят человечки со спичечными ручками и ножками. А может, и правда каждый день ходят.

– Отлично. Чай, кофе? Или... что покрепче?

– П-покрепче.

Хозяин – почему-то кажется, что это хозяин – открывает шкафчик на стене, перебирает названия, которые мне ничего не говорят:

– Каберне Совиньон, Шато Марго, Романе Конти, Херес де-ля-Фронтер...

Хватаюсь за первое знакомое:

– Каберне.

– Отличный выбор, – хозяин разливает вино, думаю про себя, пил я раньше или не пил. Здесь бы спросить – кто я такой, только после этого вопроса можно в дурку загреметь, а в дурку греметь как-то не хочется.

Поэтому спрашиваю другое:

– А... где я нахожусь?

– У меня. Чувствуйте себя, как дома.

– С-спасибо.

Спрашиваю еще одно. То, что уже может показаться странным. Но все-таки спрашиваю.

– А вы кто?

– Не помните?

– Прошу прощения... нет.

Он улыбается. Как-то фальшиво, наиграно, не нравится мне эта улыбка, не нравится, с такой улыбкой самое время нож в спину засадить, вот что я вам скажу... Кому вам? Не знаю. Что-то подсказывает мне, что я должен запоминать все, что со мной случилось, будто кто-то пишет историю моей жизни, и очень важно, какая она будет, эта история...

– А я ваш злейший враг.

– А если серьезно?

– И я серьезно.

Молчу. Здесь нужно что-то сказать, только ничего не говорится. Враг, враг... Вспоминаю что-то, что-то не вспоминается, я стою напротив него, бросаю ему в лицо какие-то проклятия, он улыбается – вот так же, холодно, сдержано. Я ору, еще сам себе удивляюсь, что могу орать, что он отнял у меня что-то, что-то, что-то... И тут же ловлю себя на том, что не он отнял, не он, тут что-то другое случилось, что никто не виноват, а (чего-то важного) нет...

Он протягивает мне бокал.

– Ну что же... за встречу.

Смотрю на вино недоверчиво.

– Отравите?

Усмехается. Кажется, возмущен, но не подает вида.

– Зачем мне вас травить.

Подбираю слова, слова не подбираются, путаются, ускользают.

– Ну... враг же... хотите... избавиться... от меня...

– Друг мой, если бы я хотел от вас избавиться, я бы сделал это давным-давно. Пока вы лежали здесь...

– Здесь? А как я сюда попал?

Теперь он даже не скрывает своего возмущения.

– Это я у вас должен спрашивать, как вы сюда попали. А правда что, интересно, как вы сюда попали, охрана вдоль и поперек, а ведь как-то попали... или пропуск у вас был?

– Н-не помню.

Он хватает меня двумя пальцами за подбородок, смотрит в глаза, чувствую себя нашкодившим мальчишкой.

– Притворяетесь, или правда ничего не помните?

– Правда... не помню.

– И зачем сюда приходили, тоже не помните?

– Нет.

– Или вы убить меня приходили?

Хочу ответить – нет. Понимаю, что не могу ответить нет, понимаю, что сам не знаю, зачем пришел, и убивал я кого-нибудь раньше, или нет...

Нет.

Отбитая, отшибленная память подсказывает мне – нет. Меня убивали, было дело, но я не убивал, нет.

– Ваше здоровье, – объявляет хозяин.

Чокаемся.

Пьем.

Вернее, он пьет. Я пытаюсь проглотить вино, вино не проглатывается, выплескивается изо рта на покрывало.

Тьфу, черт...

Враг (не знаю его имени) хлопает меня по спине. Делаю еще глоток, вернее, пытаюсь сделать глоток, понимаю, что глотать мне некуда. Сплювывая вино в бокал, хозяин оторопело смотрит на меня.

Мотаю головой:

– Прошу прощения.

– Что-то не так?

Хочу ответить, что все-то не так.

– Некуда... глотать.

– Что, у вас и пищевода нет? Надо же как оно... Как же вы едите-то?

Понимаю, что не знаю, как я ем. И кто я такой...

Враг услужливо предлагает:

– Может... инъекции какие-нибудь? Капельницы?

Испуганно мотаю головой. Вспоминаются какие-то больницы, иглы, вонзенные в вену, врач качает головой – ну что я могу сказать, плохие новости у меня, осталось вам...

Ну а сколько мне осталось, и что потом было, хоть убейте, не помню. Много что было. Знать бы еще, что...

Враг резко выпрямляется.

– Что же... перейдем к делу.

Взмахиваю рукой, рука меня не слушается.

– Стоп-стоп-стоп, к какому делу, мне бы поесть сначала...

Понимаю, что нужно поесть, хоть что-нибудь, хоть как-нибудь, быть такого не может, чтобы мне вообще не нужно было есть...

– А что вы едите? От розетки, что ли, подзаряжаетесь?

Хочу усмехнуться, понимаю, что не смешно. От розетки, от розетки... Протягиваю руки к розетке, чувствую, как тело наполняется живительным теплом.

– Сработало, – говорю не столько врагу, сколько самому себе.

– Вот видите, как хорошо, а вы боялись. Решение есть всегда, нужно только его найти.

Морщусь. Не нравится мне эта его фраза, еще не знаю, почему – но не нравится. Похоже, и правда были мы с ним врагами, да еще какими, вот он мне еще ничего не сделал, а у меня уже мерзехонько так на душе, хочется дать ему по морде, тьфу, что я несу, человек мне жизнь спас, а я ему по морде дать хочу...

– А из-за чего мы поссорились?

Нет, не так.

– Почему вы мой враг?

Нет, не то.

– Я прошу прощения, если в чем-то виноват перед вами.

Тоже не то. Слишком длинно. И вообще, кто сказал, что это я перед ним виноват, может, это он...

...что он?

Припоминаю. Не припоминается. Убил моих детей. Были у меня дети? Не знаю. Увел у меня жену. Была у меня жена? Также не знаю. Разрушил мой дом... А вот дом у меня точно был, быть того не может, чтобы без дома, только даже припомнить не могу, какой у меня был дом, и был ли...

Но, черт побери, надо что-то спросить, что-то, что-то, знать бы еще – что...

– Ну что... – враг смотрит на меня, нехорошо смотрит, – за спасение жизни платить надо. Вздрагиваю. Этого не ожидал, вот уж не ожидал. А как я хотел, это только в красивых сказках так бывает, герой попадает в беду, и тут кто-то добрый его спасает, приносит к себе в дом, сидит у его постели днём и ночью... А это тебе не красивая сказка, это тебе... хочу мысленно назвать себя по имени, понимаю, что не помню своего имени.

– Как меня зовут?

Нет, не то.

– Как вас зовут?

Тоже не то.

– Сколько я должен?

Вот это ещё более-менее, это ещё можно спросить. Не спрашиваю. Лезу в карманы, вот карманы у меня есть, даже странно, что карманы есть... а вот денег в карманах нет. И ничего, хоть мало-мальски похожего на деньги. Карандаш... нет, не карандаш, что-то похожее на заточенный карандаш, но память – память, которой у меня больше нет – подсказывает, что это не карандаш.

Не карандаш...

Враг выжидающе смотрит на меня. Мотаю головой, насколько позволяет мне тончайшая шея.

– Нет денег... нет.

– Я знаю, что у вас денег нет. Может... другое что?

Лихорадочно припоминаю, что может быть – другое что, что я могу для него сделать, сейчас попросит у меня что-нибудь... интим и криминал не предлагать.

– Может, другое что? – повторяет враг. (как его все-таки зовут, как его все-таки зовут...)

Выворачиваю карманы, показываю, что нет у меня ничего, нет, нет, нет, вот, карандаш не заточенный, который не карандаш, который не знаю, что...

Враг оживает.

– Разрешите взглянуть?

Киваю:

– Могу вообще подарить.

Тут же мысленно бью себя по губам, какого черта ляпнул, а если эта вещь для меня что-то значит, не так значит, как дорогая память о чем-то там, а по-настоящему значит. Может, люди вообще без этой штуки не живут, может, это что-то вроде паспорта или ещё чего поважнее...

Враг разворачивает карандаш, теперь вижу – это не карандаш, что-то вроде свитка, и вот враг разворачивает свиток, смотрит на хитросплетение ветвей, я даже вспоминаю, как это называется – алгоритм. Изучает отдельные ветви, проводит по ним ногтем, ноготь чуть светится, начинаю понимать, что это не совсем ноготь, мало ли что у него там в пальцах...

Враг бледнеет. Вздрагивает. Первый раз вижу его без дежурной улыбки на лице, на самого себя не похожего...

– Вот черт...

Молчу. Не знаю, о чем он.

Враг тычет пальцем в алгоритм.

– Это... это правда?

– М-м-м... не знаю.

– У вас в кармане лежит, и не знаете?

Растираю виски, тончайшие пальцы меня не слушаются, боюсь их сломать.

– Не помню я, ничего не помню, я вообще не знаю, что это за штука такая.

– Книга, что же ещё-то.

– Книга... – щелкаю пальцами, пытаюсь поймать ускользящую память, – книга... это же страницы такие... вместе сшитые...

Враг смотрит на меня с презрением:

– Да, крепенько же у вас память отшибло.

Хочется его придушить. Есть такие люди, вроде ничего плохого тебе не сказали, вроде ничего плохого не сделали, – а хочется придушить.

– Ну что, ближе к делу, – враг резко выпрямляется, – проникать-то умеем? Или уже забыли, как?

Признаюсь:

– Забыл.

– А если инструкцию вам дать?

– Если инструкцию... то смогу.

Снова мысленно хлопаю себя по губам, сейчас не пойму ничего в этой инструкции, вот будет потеха.

Враг прищуривается.

– К Бореславу в гости... наведаетесь?

– Сегодня?

– Ну, можете вчера наведаться.

Сжимаю челюсти. Терпеть не могу эти подгонялочки, а-а-а, это надо было сделать еще вчера-а-а... Не знаю, почему, но терпеть не могу.

Выставляю вперед ладони, будто пытаюсь защититься от врага.

– Ну, понял, понял, чем быстрее, тем лучше.

– Да нет, правда, лучше вчера к нему приходите. Так оно надежнее будет. Давайте вчера.

Так говорит враг, и понимаю – говорит на полном серьезе. Вчера... припоминаю, как можно прийти в гости вчера, ничего не припоминается, какие-то детские стишки, приходи ко мне вчера, будем радио смотреть... Нет, не так, приходи ко мне вчера, будем песни рисовать, будем радио смотреть, злые сказки танцевать. Не о том я думаю, не о том, вчера, вчера, как можно прийти вчера...

Спыхватываюсь:

– Инструкцию-то дадите, как вчера прийти?

– Разумеется, без проблем, все инструкции у вас будут. Так вот... в гости к Бореславу сходите, вещь он у меня одну взял... и не вернул.

– Он вчера дома будет... был?

– Не будет... не было его вчера дома.

– Так может, в другое время зайти, когда он будет...

Враг фыркает.

– Вы еще парадный костюм наденьте, и торт с собой принесите... не поняли, что ли, прийти-то и надо, когда его дома нет.

Понимаю.

– Украсть надо?

– Что украсть, говорю, вещь-то моя, а он не отдает.

– Чем докажете... что ваша?

– Ах, вам еще доказательства нужны?

– Значит, не ваша.

– Не моя. Но и не его. Так что вперед... и с песней.

Снова пробую встать, встать не получается, встаю на четвереньки, на колени, по стеночке, по стеночке поднимаюсь...

– Машину я вам дам, не волнуйтесь даже... и инструкцию.

Враг подхватывает меня под руку, ведет к двери, почему-то я догадываюсь, что за дверью лифт. Кабина лифта ухает вниз, снова падаю на четвереньки, враг снова подхватывает меня.

Оглядываюсь. Этажи, этажи, этажи, скользят мимо, легкие, полупрозрачные, с высокими потолками. Переходы, эскалаторы, огни реклам, анфилады витрин, люди в причудливых одеждах, водят пальцами по рукавам, не сразу понимаю, что перебирают картинки на экранах.

Выходим из лифта, надеюсь, что останусь незамеченным, еще сам не знаю, почему – но надеюсь. Как бы не так, девчонка в коротюсеньком топике поднимает глаза от своего экрана, видит меня, вскрикивает. Люди сбегаются со всех сторон, кто-то шелкает меня на камеру – тайком, исподтишка, кто-то подходит ко мне, широко улыбается во все тридцать два или сколько у них там, спрашивает – разрешите вас на селфи, приобнимает меня за плечи, делает снимок. Кто-то прикасается ладонью к моей ладони, замирает на несколько секунд, отрешенный голос в моей голове сообщает, что мой счет пополнился на три единицы.

Враг усмехается.

– А вы спросом пользуетесь... Жалко, даже, что не из нашего мира, здесь бы карьера телезвезды вам обеспечена была... Хотя... может, вернетесь потом? Насовсем?

Не сразу понимаю, о чем он говорит. Наконец, до меня доходит.

– А... я что, не из вашего мира?

– Ну, разумеется.

– А... из чьего?

– Из своего, из чьего же еще.

– А где мой мир?

Мой спутник недовольно фыркает.

– На своем обычном месте.

Переходим оживленную трассу, оглядываюсь в поисках светофора, светофора нет, ничего нет, враг ведет меня мимо машин, летящих на бешеной скорости, будто и не боится...

Сияющий автомобиль несется прямо на меня, и нужно куда-то бежать, знать бы еще, куда, враг не отпускает, крепко держит за руку, так вот какого хрена ты меня на дорогу потащил...

Машина обдает меня ветром, почти прикасается ко мне и...

...исчезает.

Здесь должно бешено забиться сердце. Только чувствую, сердца у меня нет.

– Не задело? – спрашивает враг.

– Да нет...

– Прошу прощения, близко подошел, – враг оглядывается, прищуривается, – штраф выпишут, как пить дать... вон, уже засекли камеры...

– А... куда она делась?

– В портал ушла, куда... Что вы на меня так смотрите, думаете, вы одни порталы делать можете?

Молчу. Не думаю.

Что-то я у него еще хотел спросить, что-то, что-то...

– Какой сейчас год?

Не то.

– Как вас зовут?

Не то.

– Почему я так... выгляжу?

Тоже не то.

Вернее, то, еще как то, именно это и нужно спросить...

– Какой сейчас год?

Враг уточняет:

– У меня или у вас?

И чувствую, что говорит серьезно, еще как серьезно, похоже, и правда, у меня и у него разные годы.

– У вас.

– Пятьдесят семь, двадцать шесть, тридцать восемь, тринадцать, нуль девять.

– Э-э-э... это что?

Враг поднимает брови.

– Вы и этого не знаете?

Что-то прорывает внутри.

– Слушайте, ну честное слово, не помню я ничего!

– Пятьсот семьдесят две тысячи шестьсот тридцать восьмой год, тринадцатое сентября.

– М-м-м... а у меня?

– Откуда я знаю, какой у вас год. Ну вот... – враг выводит меня из лифта в просторный зал, усаживает в некое подобие гоночного болида, – сейчас инструкцию вам дам... и все будет океюшки.

– А...

– У вас еще есть вопросы?

– Да. Как вас зовут?

Враг смеется, решительным жестом пожимает мне руку.

– Тингерман к вашим услугам.

– М-м-м... а меня?

– Вы и этого не помните? – Тингерман хлопает меня по плечу, предупреждая мои возражения, – э... а ведь не помню я, как вас зовут, ведь и не помню. Стойте, дайте гляну, как вы у меня в телефоне записаны, записаны же как-то...

Он касается своей головы, вижу яркое мелькание на его левом виске, уже ничему не удивляюсь, уже нет сил удивляться.

– А никак вы у меня не записаны. Две буквы, кэ-мэ, Кэмэ...

– Может, я и есть Кэме?

– Может быть, кто вас знает... Ну все, давайте, вот инструкция вам подробная, разберетесь...

Он протягивает мне неотточенный карандаш, который не карандаш, а книга. Разворачиваю, оторопело смотрю на бесконечный ряд цифр, и как я это читать должен, и как я это понимать должен...

– Горе вы мое, это же в голову надо!

– А... как?

– Что, сами и вставить не можете?

– Не могу. Вставьте... пожалуйста.

– Злюсь на себя, что не знаю, как вставить, злюсь на Тингермана, что он знает, как вставить, он все знает, он все понимает, он все умеет, у него вон какой дом, а у меня где дом, а я не знаю, может, и нету...

Тингерман закрывает болид, машина срывается с места. Понимаю, что не спросил, как управлять. Понимаю, что не спросил, почему я так выгляжу. Понимаю, что много не спросил, много-много, а постойте, а подождите, а я...

Поздно. Машина вырывается на широкую улицу, пересекает проспект, уносится куда-то в лабиринты мегаполиса, который я даже не успеваю рассмотреть. Спрашиваю себя, был я в этом городе раньше или не был – не нахожу ответа.

Город остается позади, болид мчится по пустыне, нехорошая какая-то пустыня, еще не могу понять, чем – но нехорошая. Вспоминаю про инструкцию, думаю, как её открыть, инструкция чувствует меня, открывается сама...

Глава четвертая. За полчаса до событий третьей главы

– Вы арестованы.

Поднимаю руки. Обреченно. Уже понимаю, отступить некуда, Тингерман со сворой охранников живым меня не выпустит.

– Ваше имя, – спрашивает кто-то из охранников.

– Не помню.

– А если с вами по-другому поговорить? – охранник перебирает картинки на своем экране, не вижу, догадываюсь, ищет, чем вскрыть мою память. Уже чувствую, вскрывать будет без наркоза, про болевой шок нематериальных здесь не слышали, и слышать не хотят.

Да хоть как говорите, не знаю я. Не помню. В телефоне уважаемого Тингермана я записан, как КМ.

КМ, вы обвиняетесь в уничтожении нашего мира.

Давлюсь собственным сознанием.

– Но я...

– Не вы, – поправляет начальник, – ваш народ.

Думаю, что сейчас поделявает мой народ, может ли он вообще кого-то поработить и уничтожить. Понимаю – не может. Даром, что вообще первый раз слышу, что у меня есть какой-то народ, которым я... нет, не управляю, все-таки – к этому народу принадлежу.

Нет.

Не можем мы никого уничтожить.

Потому что...

Просто... просто потому, что нам это не нужно.

Отвечаю:

– Этого не может быть.

– Ах, по-вашему этого не может быть? А вот, сами почитайте, почитайте, не поленитесь... из газеты из сегодняшней...

Думаю, где читать, оторопело смотрю на начальника полиции, так и чувствую, скажет мне сейчас, что вы на меня смотрите, у меня на лбу ничего не написано.

– Ну, читайте, читайте, у меня на лбу написано.

Поправляю:

– Не написано?

– Наоборот. Написано. Читайте.

– Да он под этим углом не видит ничего, вы вот так поверните, – Тингерман подхватывает меня под локоть, ведет к свету, наконец, вижу экран на лбу начальника полиции.

Все разговоры о равенстве людей и аюми не имеют под собой никакой почвы, хотя бы по той причине, что у человека от природы меньше возможностей, чем у аюми. Вот вы мне скажите, вы видели человека, который способен перемещаться в космосе на огромные расстояния? То-то и оно, я тоже нет. Поэтому все разговоры о совместных космических исследованиях просто смешны и нелепы.

Поворачиваюсь к своим пленителям.

– Аюми...

– Это вы. Мир Цэ.

Тем не менее, за рубежом уже на полном серьезе говорят о совместных космических проектах. А поскольку человек в космосе по природе своей жить не может, исследователи тратят

деньги на космические станции для проживания людей. Хотя без людей та же самая космическая экспедиция вышла бы намного дешевле.

Но больше всего меня поражают разговоры о том, что человек может быть равен аюми. Человек не будет равен аюми. Никогда. Посмотрите внимательно на список лиц, изменивших вселенную. Сколько в этом списке людей? Ни одного. Я думаю, комментарии излишни.

Мозг человека не способен заглянуть будущее. Совсем. Все попытки людей спрогнозировать что-то нелепы и смешны. Я сам видел, как люди пытались просчитать траекторию двух звезд – погрешность оказалась более пяти сотых процента!

Природа мудрее нас, природа изначально позаботилась о том, чтобы были аюми, живущие и познающие и люди, своей смертью дающие аюми жизнь. Человек гонится за призрачной идеей, тем самым подпитывая аюми.

Отказ людей тратить свою жизнь на погоню за призрачными иллюзиями опасен не только для самих людей, теряющих свое предназначение. Страдает вселенная в целом – нехватка энергии для жизни дает знать о себе все больше.

– А я вот как умею, – кручу маленький телескоп, смотрю на звезды, сам смотрю, сам вижу звезды. Гости смотрят на меня, и екает сердце, сейчас похвалят, вот-вот сейчас похвалят, что я вот такой все сам...

– Ух, молодец какой, – говорит кто-то из людей.

– А без телескопа можешь? – спрашивает кто-то из аюми, молоденький, еще не знающий, что к чему.

Смущенно отвечаю:

– Не-е-е-е...

И стыдно так, что я не вижу звезды без телескопа, ну ничего, я выучусь, обязательно-обязательно выучусь...

– А людям это и не нужно, – отзывается кто-то из аюми, сидящий за столом, – человеку что, прожить семьдесят лет, в офисе отработать, за деньгами гнаться...

Екает сердце, а как это не надо, а как это в офисе, а как же космос, а как же таинство хода времен, а...

Говорю:

– А я не буду в офисе... а я звезды буду... как аюми.

Гости усмеваются, нехорошо усмеваются.

– Это пройдет, – говорит кто-то из аюми.

И обидно так, что всерьез меня не воспринимают, что говорят – это пройдет.

Отсюда идут и многочисленные извращения, буквально захлестнувшие наше общество. Чего стоит одно желание людей во что бы то ни стало идти против своей природы – люди отказываются от материального тела, перестраивают свою плоть и сознание на манер аюми. Такие вещи даже не хочется комментировать – человек может хотеть быть зайчиком, белочкой, баобабом, да хоть южно-тропическим муссоном – это не значит, что конструкторы должны потакать всем его прихотям. Сегодня захотел быть аюми, завтра – деревом, послезавтра сделайте его обратно человеком...

Судьба не ошибается, если судьба сотворила человека человеком – слабым, глупым, беспомощным перед вселенной – значит, он и должен оставаться человеком. О его судьбе позаботится аюми...

– Я для тебя все сделаю... – увещевает аюми, – всю жизнь будешь гнаться за деньгами, лет в тридцать квартиру возьмешь в ипотеку, годам к пятидесяти выплатишь...

Аюми хватает меня, вжимается в мое сознание, одурманивает, обволакивает дивными сказками и красивыми обещаниями.

Отталкиваю его, холодного, бесплотного, почти проникшего мне в голову.

– Не... не надо мне вас.

– Да кто вам лучше условия-то предложит! – восклицает аюми, снова хватает меня, снова протискивается мне в сознание.

Отталкиваю. На этот раз что есть силы.

– Да не надо мне аюми ваших, да пошли они все!

Аюми смотрят на меня оторопело, растерянно.

– Да оставь его, идиот долбаный, – говорит кто-то моему несостоявшемуся хозяину.

Идеи равенства не принесли человечеству ничего хорошего. Что ты получил взамен, человек, гордо называющий себя разумным? Право исследовать космос? Пожалуйста, мотайся годами на космической станции, томись в ледяном гробу, заработай себе рахит, выпавшие зубы и прочие прелести. Право самому распоряжаться собственной судьбой? Пожалуйста, выбирай сам, как ты умрешь, загинешь на пыльных тропинках далеких планет или умрешь от разрыва сердца в собственной постели. Да, и выбирая себе судьбу, не забудь рассчитать последствия для других на восемь тысяч лет вперед хотя бы в четырех мирах.

Кстати, о расчете. Что-то я по-прежнему не вижу людей, обивающих пороги вычислительных центров. Милые мои, что вам мешает слушать будущее, искать пути вселенной? Что, на пороге стоит аюми, ощеривается лучами смерти и грозно трещит – пошли вон, людишки? Нет. Для людей открыты все пути. Тем не менее, я по-прежнему не вижу людей в исследовании судеб космоса.

И вообще, скажите мне: много вы знаете людей, которые покинули уютные квартиры и офисы и подались в космос? То-то же. Сколько я ни говорил со своими знакомыми среди людей, все они в один голос говорили, что хотели бы вернуться к тем счастливым временам, когда человек жил на земле, повиновался своей судьбе, по будням ходил на работу, а по пятницам сидел в баре.

Доводилось мне видеть и других людей – которых сейчас модно называть думающими, людей, которые работают наравне с аюми, а кое-кто даже успел изменить свою структуру под структуру аюми. Я видел их бледные, позеленевшие лица, видел их красные, воспаленные глаза – и чем дальше, тем больше понимал, что они, добившиеся свободы, не очень-то и счастливы.

Спрашиваю.

В лоб:

– А почему вы людей в исследователи не берете?

Аюми фыркает.

– Ну, вы как маленький, чесслово. Человек что? Человек на звезды посмотрит-посмотрит, там и денежек ему захочется, прибыли захочется, машину новую, квартиру, посидеть в теплом офисе...

– Да не нужно мне все это!

– Ну, это сейчас не нужно, а потом ведь обязательно захочется...

Мысленно вычеркиваю еще одну станцию, на которой я мог бы смотреть на звезды. Прикидываю, сколько еще осталось станций, где я могу работать, вернее, мог бы работать, если бы не вот эти вот – а-потом-ведь-обязательно-захочется-квартиру-машину-айфон...

Кто-то осторожно касается моего сознания, оборачиваюсь. Смотрю на аюми, ну что, что...

– Не взяли? – спрашивает аюми.

Отвечаю:

– Как видите.

Отвечаю с надеждой, может, что-то придумает...

– У меня есть для вас предложение получше.

– И что же?

– Как насчет того, чтобы стать моим человеком? Я тебе обещаю бешеный успех, прибыль, ипотеку...

– Да пош-шел ты...

Говорю слова, от которых должны покраснеть звезды в небе. Аюми бьет меня током, больно, сильно, мир летит кувырком, разбивается на мириады осколков.

– И правильно, – говорит кто-то надо мной, – нечего было отказывать... Возомнили о себе люди черт знает что...

– Не понимаете?

Обреченно смотрю на хитросплетение времен, всеми силами пытаюсь понять, как провести линию своей действительности, чтобы не задеть параллельные действительности, – чувствую, что с моими мозгами...

– С вашими мозгами вам этого никогда не понять, – в тон моим мыслям отвечает аюми.

Здесь нужно кивнуть, и нельзя кивнуть, кивнуть – значит, признать свое поражение. И поражение человечества, как вида.

– Не ваше это, не ваше... человек должен чем-то земным заниматься, дом построить и ипотеку, машину купить...

Молчу. Чтобы не наговорить ему чего-нибудь, сам не знаю, чего.

– А чего вы вообще сюда... Не нашли, что ли, никого из аюми, кто будет вами править?

– Да не нужен мне никто!

– Да, видно, сильно вам господина не хватает, раз так беситесь...

Не отвечаю. Нечего отвечать...

Что же, дорогие мои люди, настало время назвать вам самого главного вашего врага. И это отнюдь не народ аюми, как полагают некоторые. Самый страшный враг людей, это... сами люди.

Нет, конечно же, не все люди, а только определенный тип людей. Я говорю про тех людей, которые стремятся во что бы то ни стало встать на один уровень с аюми. Казалось бы, что может быть проще – ломай свою судьбу, калечь самого себя ради того, чтобы за семьдесят лет жизни добиться того, чего аюми добивается за один день.

Но нет, беспокойным людям этого мало – они настойчиво увлекают в свои сети других людей, им нужно, чтобы как можно больше белковых тел покинули свои уютные гнездышки и отправились в космос к чужим мирам.

Как правило, это люди, которые не могли найти себя в мире людей. В то время, как их сородичи гнались за прибылью, убивали друг друга на войне или годами зарабатывали на квартиру – эти лентяи палец о палец не хотели ударить. Вместо этого они задумывались о казалось бы абсурдных вещах – почему я не аюми? Как будто у аюми жизнь легче, чем у человека.

К счастью, три слова – борец за освобождение – давно уже стали ругательными. Люди с откровенным пренебрежением относятся к тем, кто предлагает встать на один уровень с аюми. Бывали случаи, когда таких вот беспокойных жестоко били, а то и вовсе казнили. Так что можно смело сказать, что эпоха так называемых борцов за свободу подошла к концу.

Читаю.

Перечитываю.

Сегодня я уезжаю отсюда. На этот раз навсегда. Я слишком далеко зашел, чтобы теперь вернуться назад, чтобы снова стать человеком.

Смотрю на город. На город людей, в котором я так и не смог найти себе место. Думаю, что еще можно остаться, еще можно перестроить свою сущность на привычную, человеческую, еще можно обивать пороги каких-то контор, чтобы взяли, начинать с нуля, да не с нуля, с минус единицы какой-нибудь, с должности принеси-подай-пошел-вон-не-мешай...

Нет.

Расправляю бесплотные крылья, взмахиваю – раз, другой, третий. Кто-то смеется за спиной, повторяет известную притчу про курицу – не птицу.

Поднимаюсь над землей, кувыркаюсь, чуть не падаю, люди смеются.

К счастью, в последнее время здравый смысл взял верх, – совместные проекты аюми и людей сворачиваются, мир начинает понимать, что аюми – это аюми, а люди – это люди. Теперь никому и в голову не придет устраивать космические экспедиции с белковыми тварями...

Знаю.

Читал.

И все-таки поднимаюсь в небо, и все-таки лечу к звездам, сам не знаю, куда.

... в наше непростое время требуется все больше жертв, поэтому человечеству предстоят нелегкие времена. Я уверен, что люди достойно справятся с выпавшими на их долю испытаниями и отдадут нам свои жизни, как отдавали раньше.

Вообще, иногда думаю, хотел бы я быть человеком! Человек ничего не решает сам – его судьба предначертана хозяином, аюми. Человеку не нужно заботиться о своем будущем, его будущее предначертано с самого начала. Человек от природы слаб, ему не нужно быть сильным, никто не требует от человека повелевать стихиями или менять ход времен...

Читаю очередную статью. Будь у меня зубы, сжимал бы зубы в бессильной злобе. Но зубов у аюми нет.

Сажу в углу большого зала, окруженный аюми. Они не знают, что я когда-то был человеком, если бы знали – убили бы меня на месте, нет большего преступления у аюми, чем раньше быть человеком, а потом стать аюми.

– А люди что? – спрашивает кто-то.

– Лю-у-у-ди... – придыхает мой сосед слева, – сейчас бы как раньше... жизнь высосать из человека дочиста...

– Да не высосешь уже... на новый уровень переходили вчера, всех людей под корень извели, Земля людей пустая стоит...

Спрашиваю как можно непринужденнее:

– Что... всех?

– Ну, ты как с луны упал... вчера же всех под корень...

– Судьба у них такая...

Молчу.

Здесь нужно сжать зубы.

Только сжимать нечего.

Чудовищный случай, произошедший сегодня в общем зале, потряс всех: неизвестный уничтожил всех присутствующих, сжег силой ненависти. После чего злоумышленник выбрался на улицу и принялся планомерно истреблять всех аюми, которых встречал на своем пути. След-

ствие установило, что виновником является аюми, который в прошлом был человеком, а потом сделал себе трансформацию. Район оцеплен, ведутся работы по ликвидации преступника...

ОСТАВИТЬ СВОЙ КОММЕНТАРИЙ

А мозги он себе трансформировать не захотел вместо того, чтобы в аюми трансформироваться?

Все правильно, если человек решил аюми стать, явно с мозгами не все в порядке

Одно слово, псих.

А что, еще не всех людей истребили?

Ничего, скоро и этого добьют...

– Прочитали? – заботливо спрашивает Тингерман.

Киваю.

– Что скажете?

Понимаю, что здесь что-то не так, очень и очень не так, так не так, что нетакее некуда.

Что-то...

А вот что.

– Ложь.

– За порабощение и уничтожение материального мира вы приговариваетесь к смертной... – начинает начальник охраны.

– Ложь!

– Обоснуйте, – Тингерман широко улыбается во все свои двадцать семь зубов, а двадцать восьмой в ремонте.

– Если... если землю вашу уничтожили, как вы еще живы до сих пор?

Тингерман думает. На мое счастье Тингерман думает быстро, это не Бореслав, который соображать будет часа два, а то и не один день.

Тингерман делает знак охране.

Поздно.

Магнитный поток стирает меня дотла.

Тингерман бросается назад по ветке времени, я делаю то же самое, сталкиваемся лбами, ищем развилку, где она, где она, а я еще столько Тингерману не сказал, я ему не сказал, как это бывает, когда сделает кто-нибудь фальшивый вариант реальности, такую реальность-обманку, чтобы кого-нибудь вокруг пальца обвести, два мира поссорить, или еще что-нибудь там. Так и кажется, что эту реальность обманчивую Бореслав делал, чтобы Тингерман на меня ополчился, только для Бореслава сильно тонко сделано, Бореслав реальности в жизни не ткал, а может, кто-то из мира Тингермана сделал по заказу Бореслава, а может...

Много что хочу сказать.

Не успеваю, сознание проваливается в окончательное небытие, слышу голос Тингермана, не голос – эхо откуда-то из ниоткуда:

– Архивные копии... остались?

Глава пятая. Где пятисоток нет

48 мая 23—34 года / 13 июня 2015 года.

Занес меня черт в парикмахерскую, а в кошелек догадался заглянуть только тогда, когда девушка жестом фокусницы сняла с меня накидку. На весь кошелек пятьсот рэ. Сдачи с пяти-сот рэ у них, конечно же, не было, отдавать просто так свои кровные – сдачи не надо – не хоте-лось.

В итоге – сдуру перенесся в параллельный мир, где пятисоток нет, только банкноты по сто и по двести. Расплатился.

Пришел домой, еле добрался, не сразу просек, что у них левостороннее движение. Двери в комнаты без замка, спросил у соседа, а что, у них не воруют, он вообще не понял, про что я говорю.

Как-нибудь постараюсь прожить.

50 мая 23—34 года, которое оказывается, следует сразу за 48-м.

Сидел дома, лазил по И-нету, искал, чем этот мир отличается от нашего. Так толком ничего и не нашел. Самое поганое, я журналист, как теперь прикажете писать статьи, если я ничего не знаю.

49 мая, которое здесь следует за 50-м.

Йе-с-с-сс!

Могу считать себя мультимиллионером. Решил, будь что будет, как ни в чем не бывало вышел на работу, поперся брать интервью у местного чинуши. И что думаете? Про работу жур-налиста в этом мире слухом не слыхали, а вот чтобы человеку задавали вопросы, просто так, говорили по душам, это у них ценится на вес золота, это не каждый умеет. Чинуша мне на радо-стях половину своего состояния отвалил, люди в очередь записываются на встречу со мной.

Живем. :)

Нулевое августа, который здесь следует за маем.

Написал письмо Викусе, чтобы не скучала. Обустроюсь в Мозг-Ве, привезу ее сюда, зажи-вем.

2 августа

Вечерком догадался сходить посмотреть Кремль, увидел на башнях вместо звезд хру-стальные пирамиды. Вместо Мавзолея какое-то культовое сооружение тоже в виде хрустальной пирамиды, почему-то перевернутой, как держится, непонятно.

1 августа, которое следует за 2-м.

Говорил с министром иностранных дел, спросил про Америку. Министр не понял, что это такое.

Только вечером догадался открыть Гугл, посмотрел карту мира, выпал в осадок. :) На дру-гой стороне земли ничего нет, чистый океан.

Боюсь представить себе, как выглядит мир без Эйнштейна, Билла Гейтса, Мэрилин Монро и иже с ними. Телевизор включать не хочется, всего один канал, нда-а, телевидение много потеряло...

4 августа

Снова написал Викусе, чувствую, что без нее не могу. Все еще дуется на меня, что уехал, ее бросил, можно подумать, мне там в этом Усть-Куте было где развернуться, засел бы в магазине в каком, запчастями торговал бы, и все...

3 августа

Сегодня натерпелся страху, будь здоров. Утром на пороге комнатенки люди в форме, день добрый, вы такой-то, я такой-то. Грешным делом подумал, сейчас в армию приберут или в тюрьму. А они вежливенько так объявляют, когда вы вступите во владение квартирой, сколько можно уютиться в комнатенке...

Я прямо в осадок выпал, оказывается, у них кто в город приехал, нате вам, получите-распишитесь квартирку. Ремонт там, правда, и не пахнет, и даже не воняет, ну да ничего, дело поправимое, с моими-то доходами... :)

6 августа

Получил открытку С Днем Рождения, я так чую, от Викуси. Простила-таки. Ну, глядишь, и ко мне переберется, благо, есть теперь куда перебираться...

5 августа

Все думаю, как я сюда перекинулся, так хорошо устроился, по идее в параллельном мире должен был жить мой двойник, моя копия, я бы пришел домой, открыл бы дверь, а оттуда вышел бы я сам, сказал, а ну вон пошел, здесь я живу.

А никого нет, я один здесь.

Брал интервью у маститого физика, он сказал, что при переходе из одного мира в другой двойник совершает обратный переход. Представляю сейчас того бедолагу, который жил в этом мире на моем месте и попал в мой мир. Он в осадок выпадет, когда узнает, что там никому не дают квартиру просто так, за красивые глаза. И много еще от чего в осадок выпадет. Если только под машину не попадет...

Мне даже неловко перед ним. В конце концов, это моя идея была, перекинуться из мира в мир, он своего согласия не давал...

8 августа

Ну и страху сегодня натерпелся, чуть в штаны не наложил...

Возвращаюсь с интервью с каким-то актером, иду, никого не трогаю, тут бац, выпадает из-за угла огромный слизняк, таких еще в фильмах ужасов снимают. Я заорал, благо, полиция была рядом, они смотрят на меня оторопело, не понимают, что случилось.

Потом дошло до меня, что слизняки на улицах – дело обычное. Народ Аюми называется, не то с Плутона, не то откуда-то оттуда.

Штрафанули за нарушение общественного порядка, хорошо еще, не успел слизняка этого отметить, а то бы сдали меня им, как зачинщика международного скандала. В полиции я оправдывался, что недавно перешел из мира в мир, не все знаю. Резонно ответили, что незнание закона не освобождает от ответственности.

7 августа

Завтра еду к Викусе, костями лягу, перевезу ее сюда.

** августа*

Так непривычно писать звездочку вместо десятки, у них цифр не девять, а тринадцать...

9 августа

Искал Викусю...

По городам, по деревням, по телефонным справочникам искал Викусю...

...и будь я проклят, что просочился в этот мир.

% августа

Выпытывал у ученых-неученых, как просочиться обратно, назад, к себе, в свой мир, где Викуся. Все только руками разводят, – никак, в миры можно проходить только вперед. Признался, что ничего не понимаю в параллельных мирах, на что какой-то физик-шизик резонно ответил, что сначала надо было понять, а потом ходить из мира в мир, проходной двор тут устроили, блин...

Будем искать в других мирах.

123 апреля – 012 года

Прячусь в бункере, выбраться на поверхность никаких шансов, землю в этом мире бомбят нещадно. Потихоньку спрашивал у Сопротивленцев про Викусю, показали какую-то Викусю в полевой кухне, чернявую девку поперек себя шире, с зычным голосом.

Чувствую, что здесь я ее не найду.

Четвертый день пятой луны седьмого полузимья

Сказали, если не отращу себе длинные волосы, сожгут меня на костре, как Отступника, еле вымолил у местных разрешение разжиться париком.

Спрашивал про Викусю, сказали, в соседней деревне есть какая-то. Полдня добирался до соседней деревни на какой-то кляче, про автомобили здесь слухом не слыхали.

Пятый день пятой луны седьмого полузимья

Добрался до богом забытой деревушки, встретился с тамошней Викусей, не она...

01010100.01010101.11011101

Спрашивал у местных андроидов про Викусю. Услужливо перерыли все адреса, нашли много чего похожего на Викусю, саму Викусю не нашли.

Я чего боюсь, а может, она никакая не Викуся, а какая-нибудь Полиэтта или Ева-Анна... в других мирах...

Даты в этом мире не знаю, забыл спросить.

Странный мир, белая комната с зарешеченным окном, из двери выходил человек в белом, говорил со мной. Был очень вежлив, обещал поискать Викусю. Сказал, что покинуть белую комнату я не могу, это связано с какими-то особенностями местного мира.

14.07.2015 г.

...наблюдается некоторое прояснение сознания, исчезновение галлюцинаций...

##/##/## – ##/##

Оказался на космическом корабле, спросил про Землю, в этом мире не знают никакой Земли, похоже, в их вселенной вообще не существует планет. Как тогда появилась жизнь, остается загадкой.

Спросил про Викусю, здесь Викусю знают, но сказали, она умерла два года назад.

Будем искать дальше...

Глава шестая. Где я

Предыстория

Черт бы их драл всех.

Кого?

Всех. Вот этих вот, которые Мывамперезвоним и Большоеспасибо и Всегохорошего, и...

Он с силой пинает фонарный столб, сжимает зубы от боли.

Ничего, он им покажет... всем... всем... Вспоминает Эдисона, который сто раз изобретал лампочку, только не помнит он, изобрел или нет. И этого, который небоскреб строил, я построю самый высокий небоскреб в мире, и мне неважно, сколько раз он будет гореть. Диснея выгнали откуда-то за отсутствие фантазии. А вам, Эйнштейн, я бы вообще не советовал продолжать учиться...

Так.

Так-то оно так, только... Это так в книжках бывает, в биографиях великих людей, а в жизни ничего такого не случается, вернешься как миленький в свою контору, будешь сидеть до скончания века...

И не понимаю они, эти все, которые Мывамперезвоним, что зима скоро уже. Нет, не та зима, когда снег на улицах, и отопительный сезон, и распродажа к новому году, скидки до двухсот процентов, и оливье, и много еще чего. А такая зима, которая на года, на десятки лет, на века, когда ледник пойдет – до самого экватора, или докуда он там пойдет, этот ледник.

А люди что?

А люди куда денутся?

То-то же.

Некуда людям деваться. То есть, так-то, конечно, попрячутся люди по бункерам, отсилятся, только сколько можно отсиживаться, не век же отсиживаться, в буквальном смысле – не век.

А потом что?

А потом куда?

То-то же...

А выход есть.

А выход вот он.

Он знает выход, только здесь не бункеры надо строить, здесь только генетика поможет...

Да.

Только они все этого не понимают. Они. Все. Там. А когда поймут, поздно уже будет.

Он заходит в квартиру, с силой захлопывает дверь, колотит кулаками в стену, пропади оно все, пропали-пропади-пропади...

Звонок в дверь. Сейчас начнется, соседка какая-нибудь, а-а-а, я только ребенка уложила, а вы стучи-и-и-те-е-е, а-а-а-а...

Он открывает, оторопело смотрит на мужчину в странном костюме.

– День добрый, – мужчина энергичным жестом пожимает руку хозяина, – как я могу к вам обращаться?

– Э-э-э... Игорь.

– О, мое любимое имя, ваши родители сделали отличный выбор. Меня очень заинтересовали ваши разработки в создании человека зимующего...

Игорь кивает.

– Еще бы денег на разработки кто дал...

– Можете не сомневаться, я готов профинансировать вашу работу.

– А вы...

– Да, забыл представиться, – снова энергичное рукопожатие, – Тингерман, к вашим услугам. Что же, давайте обсудим детали, – незваный гость ставит на стол бутылку чего-то синего, – у вас найдется парочка бокалов?

Игорь поворачивает к буфету, вытаскивает запыленные бокалы, терпеть не может Игорь мыть бокалы, ну да ладно, ради такого случая можно и вымыть, тонкий бокал падает из рук, со звоном отламывается ножка, в памяти голос бабушки, руки у тебя из жопы, или изоткуда...

Игорь наклоняется...

Мертвенный холод по спине и дальше, колени подкашивается, швыряют Игоря на пол, второй бокал падает, почему-то не разбивается...

– Вы... вы чего?

Игорь оторопело поворачивается к гостю, смотрит на зеленоватое сияние в руках Тингермана.

– Мне очень жаль, мой друг. Мне очень-очень жаль. Так будет лучше... для всех.

История

НАЙДЕНО ПО ЗАПРОСУ КМ

КМ – сокращенное название километра.

КМ – композиционный материал

КМ – конструкция металлическая

КМ – критическая масса

КМ – контроллер машиниста

ПО ЗАПРОСУ «КТО Я» НИЧЕГО НЕ НАЙДЕНО

Во избежание недоразумений строго следуйте инструкции.

Не забудьте пристегнуть ремень.

Инструкция рекомендует перестегнуть ремень на меньший размер.

Сожалеем, но на ваш размер ремень не предусмотрен.

Поездка в аэро с не пристегнутым ремнем не допускается.

ЗАПРОС ОТПРАВЛЕН

ЗАПРОС ОБРАБАТЫВАЕТСЯ...

В порядке исключения вам разрешено перемещение с не пристегнутым ремнем.

Инструкция не рекомендует отвлекаться на городской ландшафт.

Инструкция не предусматривает остановок возле магазинов и других учреждений.

Не пытайтесь управлять аэро самостоятельно, автоматическая система сама доставит вас в пункт назначения.

Инструкция не рекомендует вам вспоминать, кто вы и откуда – это не имеет никакого отношения к выполнению задания.

Перестаньте выдумывать фантастические миры, они не имеют никакого отношения к выполнению задания.

Инструкция не может достоверно сказать вам, существует ли описанный вами мир.

Инструкция не рекомендует вспоминать стихотворения.

На семнадцатом километре приготовьтесь к Переходу.

Если вы не знаете, что такое Переход, то можете ознакомиться с информацией о переходах в Космопедии.

На данный момент у вас нет доступа к Космопедии.

Для подготовки к Переходу в окне «время» переведите движок на «свободно».

НЕПРАВИЛЬНО

Имеется в виду, что вы должны перевести движок в свое Эго.

Войдите в свое Эго.

У вас должно получиться, это делается автоматически.

Инструкция повторяет – не пытайтесь вспоминать стихи.

Если при входе в свое Эго на вас обрушиваются воспоминания и стихи – пытайтесь противостоять этому.

Поздравляем, у вас почти получилось.

В окне «время» переведите движок на «свободно».

Среди появившихся вариантов времени выберите вариант Би.

Вы потом будете переводить время назад, сейчас просто выберите вариант Би.

Закрепите вариант.

Если вы не знаете, как закреплять вариант, посмотрите в дополнительной инструкции.

На обратной стороне окна «время» выберите опцию «закрепить».

Подготовьтесь к Переходу.

Я имею в виду – морально подготовьтесь к переходу.

Поздравляем, Переход совершен.

(Вопрос удален)

Вы никак не можете почувствовать переход, вам нужно просто принять то, что он произошёл.

И дальше, дальше шевелил ногами,

Играя в непонятную игру,

И больно-больно звезды обжигали

Живую человеческую грудь.

Инструкция напоминает – перестаньте вспоминать стихи.

Сбавьте скорость (задание отменено). Аэро автоматически сбавит скорость сам.

Оглянитесь, что вы видите вокруг.

Вариант А: мегаполис, температура воздуха – +20 – +22 С

Вариант В: редколесье перемежается с редкоравнинем, осень, температура воздуха – +10 – +15

Вариант С... впрочем, в варианте С вы не выживете. На всякий случай: в варианте С будет безжизненная пустыня.

Остальные варианты нет смысла рассматривать, потому что в них шансы на выживание равны нулю.

Поздравляем, вы действительно в пункте назначения, в варианте В.

Отключите ускоритель, пусть аэро летит на бреющем полете.

Нет, не выполняйте этот пункт, аэро все сделает за вас.

Он звезды складывал в своей квартире,

Попавшие в материальный плен,

Не зная, что им делать на земле,

Не понятый никем в огромном мире.

И становились сумерки все глуше,

И приходили страхи – а не сны,

И звезды жгли измученную душу

Своим глубоким светом неземным.

Повторяем – не пытайтесь вспомнить свое прошлое, это нерационально.

Осмотрите местность, продолжайте движение до того момента, как увидите населенный пункт.

ПОЯСНЕНИЕ: населенным пунктом может быть только поселок или небольшой городок, даже не пытайтесь найти крупный мегаполис.

Остановите аэро в 2 км от населенного пункта, при наличии лесополосы – в 1,5 – 1 км.

Чтобы остановить аэро, коснитесь красной точки на экране аэро.

Выйдите из аэро.

Выйдите из аэро.

Выйдите из аэро.

Если не можете выйти из аэро, выползайте на четвереньках.

(Вопрос удален)

Нет, ближе к населенному пункту аэро оставлять нельзя.

Приблизьтесь к населенному пункту.

Если вас раздражает трава, вонзившаяся в ладони, можете воспользоваться перчатками.

Если вы быстро утомляетесь, можете делать передышки.

Добравшись до населенного пункта (типа поселок), остановитесь.

Старайтесь не попадаться людям на глаза.

(вопрос удален)

Да, те, кого вы видите перед собой – это люди.

(вопрос удален)

Да, ближе к холодному времени года люди в этой реальности выглядят именно так.

(вопрос удален)

Да, вы находитесь в другой реальности.

Прислушайтесь к себе, спросите себя, где находится Вещь.

Инструкция говорит вам – прислушайтесь к себе, а не к окружающему миру. Вы должны слушать не ушами, а своим сознанием.

(вопрос удален)

Пробуйте. У вас должно получиться. Просто постарайтесь почувствовать, какой участок пространства отличается от других.

Найдя нужный участок, осторожно двигайтесь в его сторону.

Если испытываете затруднения в дыхании, можете делать передышки.

Инструкция напоминает: старайтесь не показываться на глаза людям. Пусть вас не успокаивает, что люди не обращают на вас внимания, и заняты сбором урожая. Люди могут заметить вас.

Осторожно приближайтесь к зданию, в котором находится Вещь.

Постарайтесь пройти мимо Бореслава, сидящего на крыльце.

Да, Бореслав выглядит именно так.

(вопрос удален)

Можете не бояться, в период накопления жира перед зимней спячкой местные жители обычно флегматичны и малоподвижны.

Если Бореслав заметил вас, попытайтесь скрыться в лесополосе.

Если вам не удалось...

Пункт №3566756378697 Как вести себя, если вас убили.

Имейте в виду, что после того, как вас убили, у вас есть как минимум 0,00005 секунды на то, чтобы изменить реальность.

Прежде всего, успокойтесь. Страх может помешать вам выбрать нужный вариант реальности. Впрочем, слишком сильное желание изменить реальность тоже может помешать.

Отступите назад по оси времени на 0,05 секунды.

(вопрос удален)

Вы переходили по оси времени неоднократно, поэтому сейчас вы можете сделать это так же, как делали всегда.

Инструкция напоминает – успокойтесь, страх может помешать вам.

Отступайте по оси времени до того момента, как вы выбрались из зарослей.

(вопрос удален)

Недомогание – нормальное состояние при шаге назад, не придавайте этому значения.

Теперь затаитесь в зарослях и выждите до того момента, в котором вас убили в другой реальности.

Это нужно сделать обязательно.

Попробуйте пробраться в дом с черного хода.

Не рекомендуется смотреть на то, как умирает ваш двойник в соседней реальности.

Ритуалы поминовения и погребения умерших двойников не предусмотрены.

Осторожно обойдите дом.

Войдите с черного хода. Дома местных жителей обычно наполнены множеством предметов, поэтому будьте максимально осторожны, чтобы ничего не задеть.

Снова прислушайтесь к действительности, в которой вы находитесь. Узнайте, где находится Вещь.

Поднимитесь за Вещью на второй этаж.

Не рекомендуется пользоваться боковой лестницей во избежание падения.

Даже несмотря на небольшую массу вашего тела не рекомендуется пользоваться боковой лестницей.

Огляните второй этаж, подумайте, где может быть Вещь.

Возьмите Вещь.

Имейте в виду, что Вещь только кажется массивной, на самом деле она имеет небольшую массу.

Осторожно спускайтесь по лестн...

Пункт №3566756378697 Как вести себя, если вас убили.

Имейте в виду, что после того, как вас убили, у вас есть как минимум 0,00005 секунды на то, чтобы изменить реальность.

Прежде всего, успокойтесь. Страх может помешать вам выбрать нужный вариант реальности. Впрочем, слишком сильное желание изменить реальность тоже может помешать.

Отступите назад по оси времени на 0,05 секунды.

Прислушайтесь к себе. Если вы чувствуете себя способным продолжать отступ – продолжайте.

Отступайте до того момента, как вы решили спускаться по лестнице.

Подождите, пока Бореслав снова выйдет из дома. Имейте в виду, местные жители могут находиться в доме довольно долго, вам придется подождать.

Не рекомендуется читать инструкцию, предназначенную не вам.

Инструкция повторяет: не рекомендуется читать инструкцию, предназначенную не вам.

(Тингерману лично. Для служебного пользования)

Чтобы узнать местонахождение мира Бореслава, лучше не пытайтесь самостоятельно проникнуть в его мир, это будет небезопасно.

Вам будет рациональнее послать кого-нибудь другого.

Не рекомендуется уничтожать плененного вами КМ. Лучше отправьте его на поиски Бореслава и Вещи.

Когда КМ проникнет в мир Бореслава...

(вопрос удален)

...даже не сомневайтесь, что КМ проникнет в мир Бореслава, знаний КМ вполне достаточно для успеха мероприятия.

Когда КМ проникнет в мир Бореслава, вы получите представление о том, где расположена реальность Вадлуфа. Далее вам не составит труда найти, откуда берет начало данная реальность и оборвать её ход.

Инструкция напоминает: реальность Бореслава берет свое начало в момент, когда впервые были проведены успешные эксперименты по созданию Человека Зимующего. Впрочем, можете взять более раннюю развилку действительности – когда людям пришла в голову идея создать Человека Зимующего. Ранние сведения об этой идее относятся ко второй половине XX века, но лучше выбрать развилку чуть позже – в середине XXI века.

Инструкция повторяет: прекратите читать чужую инструкцию.

Выбирайтесь из мира как можно скорее, если не хотите погибнуть вместе с ним.

Инструкция повторяет: выбирайтесь из мира, если не хотите погибнуть вместе с ним.

(вопрос удален)

Вы не можете предотвратить гибель мира.

Инструкция повторяет: вы не можете предотвратить гибель мира

(вопрос удален)

Хорошо, инструкция попробует найти для вас вариант, как можно спасти реальность Вадлуфа. Правда, инструкция не понимает, зачем вам это нужно.

К сожалению, человек, отвечавший за создание Человека Зимующего, только что застрелен наемниками Тингермана. Вы не можете предотвратить это событие, Тингерман позаботился о том, чтобы вы не могли предотвратить это событие.

Инструкция ищет для вас оптимальный вариант изменения реальности.

ВАРИАНТ А Отойдите по времени назад в 13.09.2015 года.

Сядьте за руль автомобиля.

(вопрос удален)

Не имеет значения, что вы раньше никогда не садились за руль подобного автомобиля. Сядьте за руль, жмите на педаль газа.

Вы должны сбить человека, который переходит дорогу.

Инструкция повторяет: вы должны сбить человека, который переходит дорогу.

(вопрос удален)

Не беспокойтесь, вы не должны убить его. Достаточно будет тяжело травмировать человека, чтобы он на всю жизнь остался инвалидом.

(вопрос удален)

Прикованный к инвалидному креслу, этот человек остаток жизни будет заниматься разработкой гено типа людей, способных жить в условиях оледенения.

Поздравляем, у вас получилось.

Инструкция забыла добавить, что сами вы в этом случае тоже погибнете.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ, ЕСЛИ ВЫ ПОГИБЛИ БЕСПОВОРОТНО

На этот случай инструкция не предусмотрена.

В ледящих горах
Ветер пел заунывную песню свою,
В недоступный мир
Кто-то думал высокие думы.
А я умер вчера,
На холодном рассвете в жестоком бою,
А я умер вчера
И сам не заметил, как умер.
Ничего, что в груди
Вместо сердца лишь пепел и прах,
Камнем ляжет на грудь
Простыня погребальная, белая-белая.
Мне сказали: Иди!
И я встал и пошел в темно-синих горах,
Без посоха в путь,

Как было откуда-то велено.
Ничего, что внутри
Ветер осени песни свои затаил,
Ничего, что идти
Нет ни сил, ни дороги мостами непрочными —
Мне сказали: Смотри!
И открыл я незрячие очи свои,
Чтобы не пропустить
Ни единого мига полночного.
Пусть из воздуха свит
Путь непрочный – вот всех недоступных мирах,
Погребальную песню свою
Пусть поют раскаленные сумерки.
Мне сказали – Живи,
И никто не узнал, что я умер вчера,
На рассвете в бескровном бою
И сам не заметил, как умер.

Это КМ.

Вернее, не совсем КМ.

Это какая-то часть КМ, которая не совсем КМ.

Глава седьмая. Где нет зимы

– Смотри.

Световея показывает мне лист, большой, разлапистый, это вон с того дерева. Хочу сказать, я такой уже видел. Не сразу понимаю, что хочет показать Световея, не сразу спохватываюсь.

– Ишь, какой уродился...

– Ну...

– Бывает.

– Прикольнo, правда?

И правда прикольнo. Все листья зеленые, а этот желтый. Золотой.

Световея смеется.

– Золотой, золотой!

Снаряжаем крылатые паруса. Сегодня мы хотим летать. Может, получится. Должно же когда-нибудь получится.

Забираемся на высокую гору, Световея расправляет крылья. Сегодня полетит Световея, мы так решили.

Световея разбегается.

Прыгает.

Летит, подхваченная ветром, летит...

Хлопаем в ладоши.

Световея кувыркается на ветру, беспомощно падает, разбивается о скалы.

Байи больше нет.

Собираю листья. Один, два, десять, сто.

Желтые.

Раньше их было меньше. А еще раньше совсем не было. Даже не помню, когда они появились, вот так, внезапно, и все больше...

Темнеет.

Ухожу в дом. Когда совсем темнеет, лучше уйти в дом. Потому что становится холодно. Раньше так не было, чтобы с наступлением ночи становилось холодно. Раньше много чего не было.

Световея ждет меня, обнимает, прижимается губами к моему лбу.

– Ты воскресла... – шепчу.

– Ага... вчера...

– А я так боялся... думал уже, ты не вернешься.

Световея пожимает плечами, как это быть может, чтобы я не вернулась.

Закрываем дверь, чтобы не пробралось белое. Это поутру на листьях замирает белое, холодное, когда его коснешься, оно обжигает.

– Вы будете взрослыми, – говорит Ждан.

Мы не понимаем ему. Но верим. Как тут не поверишь, когда у Ждана течет кровь из носа, сразу видно, накатило, увидел что-то из прошлых жизней, откуда-то изоттуда...

– А это как? – спрашивает Световея.

Ждан пожимает плечами. Он еще не знает. Он только знает – взрослыми.

– Работать будете. Много работать.

– А это как? – спрашивает Световея.

Ждан снова пожимает плечами. Это он тоже еще не знает. Только знает – работать.

– Вы уже не будете играть.

Молчим. Слушаем. Если у кого-то проснулась память, надо сидеть и слушать.

– Белое будет. Много белого.

Ёжмся. Белое обжигает. Мы знаем. Мы не хотим белое.

– Будет обжигать. Много обжигать.

Падают желтые листья.

– А потом ничего не будет. Совсем ничего.

Слушаем. Не верим. Не понимаем. Быть такого не может, чтобы совсем ничего не было.

Световея заливаётся слезами.

– Не хочу, не хочу, не-хо-чу-не-хо-чу-нехочу!

Убегает куда-то, прячет лицо. Пожимаем плечами. Нам самим сейчас хочется разрыдаться и убежать куда-то на край земли, далеко-далеко...

И теплится какая-то шальная мыслишка, непонятно откуда взялась, а вдруг ошибся Клим, ну мало ли, ну бывает, хотя... не было такого, чтобы память предков ошибалась...

Делаю вид, что строю убежище.

Сейчас все строят убежища. Так надо. Огромные, каменные, глубокие, уходящие под землю.

Мы все повзрослели. Как-то быстро. Сами не заметили, как. Ещё вчера бегали босиком и играли в сказки, еще вчера строили крылья, а уже сегодня закутались в теплые шубы и кусачие свитера, с утра до ночи строили убежища глубоко-глубоко под землей, чтобы укрыться в холода.

И точно знали, что укрываться будем уже не мы.

Делаю вид, что строю убежище. По-другому здесь нельзя.

Хорошо, что никто не видит, что я строю на самом деле.

Крылья.

Уже и не помню, как это, строить крылья, давненько я не был ребенком. Уже и не помню, как это, делать крылья, скреплять их своими снами, подклеивать несбывшимися надеждами.

Забираюсь на высокую гору. Теперь это трудно, забираться на высокую гору, усыпанную белым, колючим, обжигающим. Теперь это скользко. Раньше я не знал, что такое скользко, теперь знаю, это когда под ногами нет твердой опоры, когда мир становится зыбким и непредсказуемым.

Взмахиваю крыльями.

Падаю.

Уже чувствую, что разобьюсь, не может быть иначе, крылья не держат, скользят и скользят по воздуху вниз. Чувствую, как мои крылья замерзают на лету, раньше я тоже не знал, что значит – замерзают на лету.

Взмахиваю крыльями.

Еще.

Еще.

Еще.

Поднимаюсь выше. Еще не верю себе, что земля уходит вниз, вниз, вниз, исчезает где-то там, там.

Выше, выше...

Что-то мешает, что-то тянет к земле... а-а, ну да, конечно, сбрасываю с себя тяжелую шубу, я уже и забыл, как это – быть без тяжелой шубы и тяжелых сапог...

Земля остается далеко внизу.

Бегу босиком по звездам, взмахиваю крыльями.

Выше, выше.

Остаюсь один на один с космосом, огромным и бесконечным. Понимаю, что до ближайшей звезды буду лететь тысячи лет, если вообще удержат меня крылья.

Вспоминаю, как играли в детстве, представляли, что обогнули полземли за считанные минуты. И получалось, как-то же получалось, черт пойми, но получалось же...

Представляю, как пересекаю половину вселенной. За считанные... нет, минуты, это громко сказано, часы...

Вселенная сворачивается в мертвую петлю.

Опускаюсь на землю. Не на свою, на чужую землю. Осторожно оглядываюсь, да можно ли опускаться на чужую землю, вроде бы нет такого закона, чтобы нельзя было опускаться на чужую землю.

Меня никто не прогнал. Прогонять было некому. Но меня никто и не встретил. Встречать тоже было некому.

Здесь было лето. Это я сразу почувствовал, лето, лето – это когда под ногами твердая земля, и можно ходить босиком.

Только здесь лето было какое-то особенное. Даже не сразу понимаю, почему особенное, наконец, спохватываюсь – это лето не кончится.

Потому что...

Потому что не кончится. Никогда.

Понимаю, что я не могу быть тут один.

Тут.

Где лето.

Взмахиваю крыльями.

Опускаюсь на землю. На свою землю. Земля встречает меня холодом, я уже успел забыть, что такое холод. Холод – это который обжигает.

Холод подступает. Больше, больше, он уже не вступил в полную силу, но почти-почти. Вижу, как мои братья и сестры устраивают убежища, ложатся парами в тяжелые бетонные гробы, засыпают, чтобы никогда не проснуться. Я уже знаю, что с ними будет, память предков подсказывает мне. Много-много долгих лет будет лежать снег, а потом придет весна, которую никто не будет ждать – никто не дождет. Из бетонных гробов проклюнутся ростки, из ростков выйдут люди. Новое поколение, которое еще не будет знать, что такое осень и зима.

Круг замкнется.

Опускаюсь. Складываю крылья. Люди оторопело смотрят на меня, никак не ожидали, что появится кто-то, откуда-то оттуда, с неба, такой же, как они...

Я говорю им:

– Слушайте.

– ...вопросы?

Тянется рука из глубины зала.

– Все-таки... вы мне скажите, когда на той земле бывает зима?

– Да говорю же вам, никогда.

Не верят. Не понимают, как такое может быть, чтобы не было зимы.

– Вы понимаете... не придется больше строить убежища... никогда. Не будет больше рождения и смерти... не будет...

Гробовая тишина, еще не понимаю, что к чему. Наконец, кто-то медленно, с расстановкой говорит.

– Ересь.

ОСТАВИТЬ СВОЙ КОММЕНТАРИЙ

Да вообще сжигать таких надо на кострах, совсем уже охренели... Сегодня они зиму отменяют, завтра вообще бессмертными всех объявят. Куда мир катится...

Это что же будет-то... Если бы мне кто сказал, что я никогда не умру и корни не пушу, я бы такого своими руками задушил...

Сказано в памяти предков – приходит зима, становятся взрослыми, умирают, дают начало новой жизни... это же против природы идем, получается.

Грех, большой грех...

Здесь нужно что-то говорить. Что-то делать. Знать бы еще, что. Когда ведут на костер, я еще не верю, что на костер, ну быть не может, они меня просто попугать решили, попугать, не более...

Не более...

Прислушиваюсь к памяти предков. Раньше всегда прислушивался к памяти предков, когда не знал, что делать, память что-то подсказывала. Только это было раньше, здесь даже память предков не поможет, таких случаев у предков не было.

Прислушиваюсь. Так. На всякий случай. Понимаю, что прислушиваться не к чему, память предков молчит. Не так молчит, когда не знает, что сказать, а так... как будто... ее просто нет.

Совсем нет.

Пламя жалит. Больно. Больнее зимы.

Взмахиваю обожженными крыльями. Поднимаюсь в небо, с трудом, но поднимаюсь в небо.

Град стрел.

Здесь бы подняться выше, выше, только меня и видели, только нельзя выше, я должен найти её...

Световею.

Ищу в толпе одно-единственное лицо, а нет, уже не надо искать, поднимается Световея ко мне, взмахивает крыльями...

Стрела вонзается в руку Световеи, подхватываю свою спутницу, только не падай, я тебя умоляю, только не падай...

Огни города тают за горизонтом.

– А это далеко? – спрашивает Световея.

Очень.

Световея кивает. Световея уже знает, что делать. Представляет себе, что мы переносимся вглубь вселенной за считанные часы.

Расправляем крылья.

Летим.

Глава восьмая. Кто мы

Листья.

Как они смеют все еще падать и падать.

Луна.

Как она смеет еще светить.

Хочется бросить в луну камень и разбить. Вдребезги. Чтоб не светила, незачем ей светить больше, потому что Тори нет.

Тори, это Виктория, если кто не знает.

Да никто не знает, никому это неинтересно, вообще для самого себя пишу, кому я собираюсь объяснять, что Тори – это не партия в Великобритании, и не волость в Эстонии, и не остров в Ирландии, и много еще чего не, Тори – это Виктория.

Была.

Годы жизни на памятнике.

Любим. Помним. Скорбим.

Чувство какое-то мерзкое, что так быть не должно, не должно, не должно.

Здесь нужно рвать и метать, и не рвется, и не мечется. Чувства куда-то делись, должно быть, лежат под тем же камнем, между двумя датами...

Это будет завтра.

А сегодня страшно посмотреть на стол в комнате, потому что там лежит в окружении цветов и свечей...

Тори.

Это не область в Грузии.

И не партия в Великобритании.

Это Виктория.

– Вы её давно знали?

Это полиция.

– Я её вообще не знал. И в то же время знал пять лет.

– Проясните.

– В Итер... инетр... в Сети...

– В Интернете переписывались?

– Ну да.

Солнце.

Кажется, Солнце еще не знает, что Тори нет, иначе бы не стало светить. А может, Солнце путает, есть же Тори – область в Грузии, есть же Тори – в Ирландии, еще где-то есть какие-то Тори, вот солнце и путает, и светит, потом спохватится, погаснет, океаны промерзнут до самого дна...

Острая сердечная недостаточность.

Это диагноз.

Не мой.

Тори.

Мысли путаются. Тори. Имя. Четыре буквы. Цифры на могильной плите. Строки на экране.

Заглатывают пасмурные будни
Дела, дела, дела, дела, дела,
И тащат в день измученные люди
Тела, тела, тела, тела, тела.

Нам мало дней безжалостная осень
Дала, дала, дала, дала, дала,
Когда исчезнем, остается после
Зола, зола, зола, зола, зола.

И гонит нас, и кто-то гонит листья
Со зла, со зла, со зла, со зла, со зла.
И кто-то жжет нечитанные письма
Дотла, дотла, дотла, дотла, дотла.

Это Тори.
И еще

Вечер прячется за туманом,
Вздохи-шорохи так тихи
И катаются по полянам
Ненаписанные стихи

И от снегопада до мая
Необдуманно налегке
Сны скитаются над домами,
Не увиденные никем.

И за суммами, и за числами
Видит деловой человек,
Как гуляют по лесу мысли,
Непродуманные вовек.

И со снега, что не растаял
Так скорехонько на раз-два
Дворник поутру выметает
Все несказанные слова.

Это тоже Тори.
И много-много еще.

А то давай встретимся.
Это не Тори. Это я. набираю дрожащими руками, клавиши прыгают, пляшут, выбивают на экране – ато дваай ствретимся.

СООБЩЕНИЕ ОТПРАВЛЕНО
Сердце падает.

Мир замирает.

Мысленно бью себя по пальцам, не так это нужно было писать, не так, а...

...а как?

У ВАС НОВОЕ СООБЩЕНИЕ

А то давай.

Вот так по-простому. А то давай.

И адрес.

Мысли путаются. Надо вспоминать, не вспоминается, не осталось воспоминаний, ничего не осталось – боль, боль, боль.

Это было вчера.

Вокзал. Поезд отсчитывает километры и телеграфные столбы. Другой вокзал. Носильщики обступают, позвольте ваши вещи, нет у меня вещей, ничего нет.

Метро.

Прохожий смотрит на мою черно-белую карту, кивает:

– А, это вам на зеленую ветку.

Цветы круглосуточно.

– Сколько стоит букет роз?

Пересчитываю банкноты, понимаю, что не хватит.

– А мне бы что-нибудь попроще.

Белые хризантемы.

Лабиринты незнакомого города.

– А Каховская где, не подскажете?

– Какая?

– Каховская.

– КахОвская, горе вы мое!

Краснею.

– Вон, через дорогу...

Иду.

Высотка в центре двора.

Седьмой этаж.

Уже перед дверью вижу, что один цветок сломан. Вспоминаю, так было, или так стало, пока нес.

Думаю, выбросить или нет.

Вспоминаю какие-то приметы про восемь цветов.

Не выдерживаю, – сломанная хризантема летит в глотку мусоропровода.

Чив-чив-чив-чьюр-р-р-р.

Это звонок.

Щелчок замка.

Веснушки во все лицо.

Это Тори.

Хочет что-то сказать, давится собственным голосом, падает мне на руки.

Острая сердечная недостаточность.

Это диагноз.

Помню, однажды просто так, ниоткуда

Так осторожно – не напугай, не тронь
Со снегопадом с неба упало чудо
С неба упало прямо в мою ладонь.

Слухи и сплетни сбежались большой грудой
И я от славы не бегал, как от огня:
Люди сбегались – чудо упало, чудо!
Люди смотрели с завистью на меня.

Было мне здорово, было тогда не худо,
Благодарил я за дело судьбу свою:
Я все показывал людям в ладони чудо
И раздавал бессчетные интервью.

Был я богат, знаменит, и было мне круто,
Были завистники до истерики злы...
...но на рассвете вдруг растаяло чудо
И на окошке оставило горсть золы.

Это тоже Тори.

- Вы возьмете на себя похороны?
- А?
- Возьмете на себя...
- А... – сам пугаюсь своего голоса, – а разве у неё... нет...
- Никого нет.
- А-а...

Стараюсь не смотреть на стол посреди комнаты, где в окружении цветов и свечей лежит...
Светает.

Или нет, это луна.

Хочется бросить в неё камень и разбить, как хрустальный шар.

Чив-чив-чив-чьюр-р-р-р.

Это звонок.

Иду в коридор.

Щелчок замка.

Оторопело смотрю на бескровное лицо. Человек энергично пожимает мне руку, вспоминаю какие-то приметы про рукопожатия через порог.

– Тингерман, к вашим услугам. Разрешите войти?

Разрешаю. Даже не спрашиваю, кто он для Тори.

Тингерман смотрит на Тори, я не хочу, чтобы он смотрел на Тори, мне кажется, он отнимает у меня Тори.

– Вы очень любили её?

– Да.

Отвечаю да – неожиданно для самого себя.

– У меня к вам деловое предложение...

Подозреваются в похищении тела умершей...

Думаю, какого черта я согласился.

Тингерман.

Он умеет убеждать.

– Вы же хотите воскресить её?

Это Тингерман.

– Это невозможно.

Это я.

– Друг мой, забудьте это слово раз и навсегда. Пока вы будете повторять себе – это невозможно, – вы не добьетесь успеха...

Тингерман.

Мысли путаются.

– Мне нужна её кровь... её тело...

Это говорит Тингерман. Я не хочу отдавать Тори. Но я должен отдать Тори. Если я отдам Тори, я верну её, если я не отдам Тори – я потеряю её навеки.

Парадокс.

Мысли путаются.

– Думайте, думайте, вы хотите её вернуть или нет?

Это Тингерман. Наклоняюсь над приборными стеклами, бережно капаю краситель на мертвые ткани, хочется швырнуть все это в лицо Тингермана, в холеное бескровное лицо...

Солнце.

Оно еще светит, оно еще верит, что Тори вернется.

Тори – это Виктория.

Друг мой, если вы будете путать красители, мы НИКОГДА не вернем Тори...

Это снова Тингерман.

Стекла со звоном летят на пол, комната летит кувырком, пытаюсь поймать самого себя, не могу.

Мир меркнет, в последнем проблеске сознания думаю – вот солнце и погасло.

– Ну что... плохие новости у меня.

Это Тингерман.

Стараюсь не замечать пульсирующую боль в висках.

– Сколько... мне осталось?

Тингерман усмехается.

– Вы что, собираетесь умирать?

– Вы сами сказали, плохие новости.

– Друг мой, сколько раз вам можно повторять: нет ничего невозможного!

Воспоминания путаются.

Это плохо.

Тингерман говорил, нельзя путать воспоминания.

Воспоминания – это все, что у меня осталось.

ОБРАБОТКА ПАМЯТИ – 90%

Не выдерживаю:

– Долго еще считывать?

– Друг мой, по-вашему, оцифровать человека это раз плюнуть?

Спохватываюсь.

– А Тори... тори тоже можно вот так... оцифровать?

Тингерман настораживается, задумывается.

– А что у вас осталось от Тори?

– Вот... стихи.

Тингерман усмехается.

– Друг мой, как, по-вашему, можно восстановить человека по стихам?

– Нельзя?

– Разумеется, нет.

Смотрю на Тингермана.

– Вы сами говорили, нельзя говорить – невозможно. Можно, по крайней мере, попробовать.

– Друг мой, это безумие.

Киваю.

– Безумие. И все же.

– Хорошо, давайте обсудим финансовую сторону дела...

Понимаю, что опять придется залезать в кредиты...

Свет меркнет.

Солнце гаснет, пока для меня одного.

Боль.

Боль, которая не уходит. Нет, не душевная, душевная и подавно никуда не уйдет.

Я говорю про физическую боль.

Она тоже не ушла.

Говорю – без языка, без голоса, языка и голоса у меня больше нет.

– Тингерман... я умер, а мне все еще больно.

– Это нормально, друг мой. Ваше сознание не может забыть о боли.

– И мне что теперь... всю жизнь... вот так?

– Не беспокойтесь, это пройдет.

Не беспокойтесь... легко сказать.

– Ну что, плохие новости у меня...

Это Тингерман. Смотрит на то, из чего мы пытались сделать Тори.

Догадываюсь:

– Не получилось?

Тингерман качает головой:

– Я очень сожалею.

Тянусь к файлам с Тори. Не тяну руку – именно тянусь, потихоньку привыкаю к своей нематериальной оцифрованной сущности.

– А можно я это... себе оставлю?

– Не вижу в этом смысла. Впрочем... дело ваше.

Тори...

В смертный бой уходят солдаты,
Обескровлены, разорены,
И не верится, что когда-то
Будем мир, и не будет войны.

Души темные крови жаждут,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.